

Тот полуденный ветерок казался каким-то странным.

Ван Мо ощутила его первой, когда стояла на краю школьного двора.

Направление ветра не изменилось, но температура в его порывах внезапно упала — словно невидимое облако проплыло перед солнцем и на мгновение загородило свет.

Она подняла голову к небу. Небо было чистым, голубым, без единого облачка.

А затем она увидела Фэн Иньша.

Он вышел из тени деревьев на противоположной стороне площадки, двигаясь очень медленно. Когда солнечный свет упал ему на лицо, он слегка прищурился, будто от яркой вспышки.

Его кожа была гораздо бледнее, чем у обычных людей, — почти прозрачная, отливающая на свету едва заметным холодным оттенком.

Волосы тоже оказались светлыми; ветер растрепал их, приподнял и опустил, обнажив половину лица. Левый глаз частично скрывался за прядями, а тот, что остался виден, был прищурен, словно парень пытался разглядеть, кто стоит перед ним.

Шаги его были неуверенными. Ступая, он сначала опускал носок, а уже потом пятку, словно проверяя твердость почвы под ногами.

Правая рука безвольно висела вдоль тела: пальцы то чуть сжимались, то разжимались, совершая какое-то неосознанное движение, в котором он сам, казалось, не был уверен.

Его губы шевельнулись, но звука не издало; уголки рта чуть дрогнули и снова расслабились.

Он сомневался. Ван Мо это заметила.

Из той же тени деревьев позади него появился еще один человек.

Хэй Сянлин. Она следовала за Фэн Иньша шагах в двух позади, ступая еще тише, словно боясь раздавить что-то хрупкое на земле.

Ее волосы были заплетены в косу, которая свисала с левого плеча, а кончик ложился на грудь, отливая на свету очень темным, глубоким зеленым оттенком.

Левой рукой она обхватила правую руку, прижав пальцы к манжете, будто пытаясь что-то скрыть.

Ван Мо знала, что скрывалось под этой манжетой. Она не стала вглядываться.

Фэн Иньша сделал три шага в ее сторону и остановился.

Он не поднимал на нее глаз, лишь слегка наклонил голову, позволяя волосам снова прикрыть левый глаз.

— Можешь на меня не смотреть, — произнес он. — Этот мой глаз... он все равно скоро перестанет видеть.

Его голос звучал хрипловато — то ли от легкой простуды, то ли от непривычки: он словно долго молчал, и теперь связкам было трудно заговорить вновь.

— Я знаю, — ответила Ван Мо.

Он поднял взгляд, но остановил его на нижней половине ее лица, будто еще не был готов встретиться глазами в полную силу. — Ты меня знаешь.

— Не то чтобы знаю, — возразила Ван Мо, — но я о тебе слышала.

Его правая рука замерла: пальцы больше не сжимались и не разжимались, застыв в полусогнутом положении, словно дверь, которую распахнули наполовину и бросили. — Тогда ты, наверное, догадываешься, зачем я здесь.

— Отчасти догадываюсь, — сказала Ван Мо. — Но я хочу услышать это от тебя.

Фэн Иньша не ответил сразу. Его взгляд соскользнул с ее лица и уперся в ствол дерева за ее спиной. Проследив за узором коры до самого ее края, он произнес: — Это она велела мне прийти. Сказала, что вы здесь, и велела испытать вас.

Когда он произнес слово «она», окончание фразы чуть осело, словно звук застрял в горле, прежде чем вырваться наружу.

Ван Мо поняла, о ком речь. Расспрашивать она не стала.

— А ты? — спросила Ван Мо. — Ты сам-то хотел прийти?

Правая рука Фэн Иньша сжалась в кулак, а затем снова разжалась. Уголки его губ качнулись, но выражение лица так и не успело сформироваться, будучи тут же подавленным.

— ...Я не знаю, — произнося эти четыре слова, он говорил еще тише, чем прежде. — Она

сказала, что если я не приду, то она...

Он осекся. Его пальцы то растопыривались, то сжимались в замок, то снова распрямлялись.

Хэй Сянлин сделала полшага вперед из-за его спины. Она не стала его останавливать или хлопать по плечу — просто встала чуть позади и сбоку от него, опустив левую руку ладонью вниз, словно была готова в любой момент протянуть ее на помощь или же просто ждала исхода, который не потребует ее вмешательства.

Ван Мо посмотрела на нее: ресницы Хэй Сянлин были опущены, скрывая часть взгляда от света. Губы оставались неподвижными, правая рука по-прежнему прижималась к манжете — она просто стояла на месте.

Ван Мо всё поняла: та пришла сюда вовсе не для того, чтобы драться. Она пришла приглядеть за Фэн Иньша, чтобы убедиться, что он не зайдет слишком далеко.

— Сегодня тебе не придется драться, — сказала Ван Мо.

Фэн Иньша поднял на нее глаза. В глубине его правого зрачка блеснул слабый отблеск, будто что-то коснулось его изнутри. — Почему?

— Потому что сейчас ты сомневаешься, — ответила Ван Мо. — А тот, кто сомневается, драться не может.

Ресницы Фэн Иньша дрогнули. Его взгляд скользнул с ее лица на землю между ними, а затем снова поднялся.

— ...Ты права, — его голос звучал уже мягче. — Я действительно не до конца всё обдумал.

Пока он говорил, правая рука опустилась и безвольно повисла вдоль бедра. Пальцы больше не сжимались и не совершали никаких движений.

Налетел еще один порыв ветра, взметнув его волосы. На секунду левый глаз вновь оказался открыт.

Ван Мо заметила: кожа в уголке его глаза слегка покраснела — то ли от долгого воздействия ветра, то ли от того, что его нежная, тонкая кожа постоянно страдала от слишком яркого света и внешних раздражителей. Он не стал прикрывать лицо рукой; когда ветер стих, пряди вновь упали на прежнее место.

— В следующий раз, когда соберешься сюда, сначала хорошенько подумай: ты делаешь это по собственной воле или по чужой укапке? А уж решившись, вступай в бой.

Фэн Иньша посмотрел на нее: — А ты не боишься, что в следующий раз я действительно начну драться?

— Боюсь, — честно ответила Ван Мо. — Но еще больше я боюсь, что ты так и не поймешь, чего хочешь сам.

Фэн Иньша больше ничего не сказал. Уголки его губ дрогнули, и на этот раз выражение лица продержалось около секунды. Затем он повернулся. Движение вышло нерезким — словно тело подчинилось еще не до конца принятому решению.

Хэй Сянлин последовала за ним на расстоянии полушага, ступая в такт его медленным шагам.

Пройдя шагов пять или шесть, он на мгновение замер. Не оборачиваясь, он лишь слегка повернул голову, и его голос донесся сбоку: — ...Я запомнил твое имя.

— Ван Мо.

Он кивнул. И продолжил путь.

Когда Хэй Сянлин подошла вместе с ним к границе тени, она остановилась.

Ее профиль рассекла четкая линия между тенью и солнцем; она чуть повернула голову, словно собираясь оглянуться. Но в конце концов передумала, лишь спрятала свисавшую вдоль тела руку обратно в рукав и ступила в густую тень.

Тени за их спинами сомкнулись, будто легкая занавеска, которую приподняли и тут же отпустили. Солнечные лучи вновь залили асфальт школьного двора, и температура повысилась на долю секунды — так, будто ничего и не произошло.

Ван Мо осталась стоять на прежнем месте.

К ней со спины приблизился Цзянь Пэн: — Кто это был? — его голос звучал тише обычного.

— Фэн Иньша.

— Он не похож на злодея, — заметил Цзянь Пэн. — Но пока он здесь стоял, его руки всё время дрожали.

— Потому что он не хочет этого делать, — ответила Ван Мо. — Но считает, что обязан.

Подошла Чэнь Сысы, слегка приподняв брови: — Он правда вернется?

— Не уверена, — сказала Ван Мо. — Но я знаю, что каждый раз, сомневаясь, он будет думать на секунду дольше. Когда он обдумает всё до конца, то примет решение сам.

Подошел Шу Янь, и вертикальная складка между его бровей залегла глубже обычного: — Его левая рука за всё время так и не шевехнулась. Двигалась только правая.

— Верно, — подтвердила Ван Мо. — Он старается ею не пользоваться.

Шу Янь посмотрел на нее: — Ты даже это заметила?

— Увидела.

Ван Мо повернулась и пошла обратно. Двигаясь к краю площадки, она заметила в траве крошечную черную резинку для волос. Нагнувшись, она подняла ее двумя пальцами и бросила взгляд в сторону древесной тени — там уже никого не было.

Спрятав резинку в карман, она продолжила путь.

Из кармана выглянула Ло Ли, и ее тихий голосок произнес: — Тот мальчик... его глаза...

— Угу. От рождения плохие. Врачи говорят, что к восемнадцати годам он ослепнет окончательно.

Ло Ли на мгновение умолкла: — Сколько же времени у него осталось?

— ...Совсем немного.

Она толкнула дверь и вошла в учебный корпус.

<http://bllate.org/book/21190/2145464>